

Сиротина — собачий хвост

Селеньё-деревнюшка была небольшая, четыре двора; в трёх дворах были мужички с женами и с семьями, со скотом, в четвёртом мужичек жил один — сиротинка. У его была одна лошадь, одна корова, одна собака. Мужики куда уйдут, он к ихним жонам похаживал. Они из-за этого были на него немножко с духом.

— А как ино ты, сусед, живёшь? мы наживам, промышлям, а ты не промышляшь, а всё живешь?

— А вы што на меня гледите: я говорить умею. Мужики стакнулись, убили у его кобылу, у его не начём дров привести. Опять говорят ему:

— Как ино ты живешь? У тебя и лошади нету?

— А вы што на меня гледите: я говорить умею.

Выйдет он на крыльцо утром, а бабы по охапке дров принесут ему, опять топят. Мужики стакнулись, убили у него и корову. А ему была не нужна корова, лишь бы х... здоровой — молока и масла всего есь.

— Как ино, сосед, ты живёшь, не кобылы, не коровы нет?

— А вы што на меня смотрите, я говорить умею.

Стакнулись, убили у него и собаку. Он три кожи высушил, выделал и сошил лопотину, подверх шерстью: перед коровей, зад кобылей, на хвост собачину. Пошел в город милостину просить. Зашол в дом к купцу. Купец был именинник и уехал собирать на именины друзей-братъей. А у купца жонка погуливала. У ей тою пору был дружок на дому. Они от сиротины в нестатном платье не оберегаютца. А он в таких несчастных случаях бывал сам, ему любопытно кажетца, слушат. Приехал домой хозяин, дружок испугалса.

— А я-то куда?

— А ты иди в погреб, — говорит хозяйка, дружок пошел в погреб, а собачей хвост и говорит:

— Ну когда его в погреб, так и я в погреб.

Хозяйка говорит:

— Што ты: дик-ле умён? ты зачем в погреб?

— Нето я хозяину скажу, — говорит собачей хвост.

Не времё стало щолкатса, и его в погреб спустила.

Зашол хозяин, и гости набрались; стали пировать. Хозяйка стала в погреб ходить за напитками и принесла приятелю бутылку, котора получче.

Приятель налил стаканчик, да и выпил. Другой налил, да и другой выпил. А собачей хвост говорит:

— Как так?

— Што такó?

— А в нашем месте не так.

— А как?

— А один стаканчик выпьют, другой товарищу подают. Нет, дак я выйду, хозяину скажу.

Оттуль так и стал хозяйкин приятель: один выпьет, другой товарищу подават. Допил одну бутылку, хозяйка другу принесла, не хуже и той. Распивают и другу бутылку.

В избах, на верху и запевать стали. Когда на верху запевать стали, дак собачей хвост и в исподи запевать стал.

— Што-ты, дикой што-ле! зачем поёшь?

— А мы, што здесь, не вино пьём што-ле? там поют, а нам и не петь?

— Перестань, не пой.

— А давай платьё на платьё менять, дак и петь перестану. Сменяли платьё на платьё. Потом хозяйка пришла в погреб, сиротина и говорит.

— Меня нельзя-ле как отсуль выпустить?

Хозяйка говорит:

— Народ, пожалуй, пьяноват стал, как-ле можно меж людей протти.

Успела его выпустить хозяйка. Вышел сиротина на улицу, походил на улице, и зашел к хозяину во беседу. Помолился Богу, проздравил с пиром, с беседой.

— Хорош ваш пир, хороша беседа, только в доме есть несчастье.

А на это подхватились, стали спрашивать.

— А вот в доме у вас завелась нежить. Эту бы нежить если бы выжить, дак сразу бы выжил, а сразу не выживешь, то ей веки не выжить.

— А хто можот выжить?

— А я могу, только не даром.

— А вного-ле возьмёшь?

— А я с хозяина возьму сто рублей, а с посторонних гостей хто сколько. Я так могу эту нежить выжить, што все увидите, как она из дому пойдёт.

Хозяин согласилса. Посторонни гости говорят:

— Если мы все увидим глазами нежить, и мы по сотне дадим.

— Теперь нужно нежити дороги дать, штобы не рукой, не ногой не задеть, нето веки из дому не выживёшь.

Стал сиротина ходить, искать, в той кладовы́, в другой и все кладовы обыскал, натти не мог.

— Ну, хозяин, нежить в доме натти не могу! Ище каки у тебя кладовы есть?

Подумал хозяин, больше кладовых нету.

— Ищэ в погребе не искали.

— А зачем сразу мне погреб не сказал? Эти нежити боле в погребах и проживают.

И пошел в погреб и сказал приятелю:

— Ты бежи прямо в свой дом, некуды не приворачивай.

Взял сиротина помело, да сзади с помелом. Нежить в избу выскочила в нестатной лапотины, другой пьяной пошатилса с ног, да и упал, а которой и в рассудках, сзади бежал, смотрел.

И гнал сиротина нежить до самого его дому, оттуда воротилса хозяину назад. Хозяин хочёт его угощать.

— Ну, хозяин, угощеньё не куда не уйдет. На́перво надо роцитатца.

Хозяин на то сказал:

— Молодеч! Я вам сулил сто рублей, а когда в этот дом загонил — я на того мужичка с духом — получай двести рублей.

А посторонны купцы сидели, тоже по двести дали.

Оттуда купил мужик тройку лошадей, и нанел кучера, распростилса и поехал домой.

Приехал домой. Услышали суседи, што приехал сиротина на тройке, богатой, пришли его смотреть.

— Как ты, сосед, скоро денег нажил?

— А я вам раньше сказал, што я говорить умею. Вот у меня было три кожи, одна кобыля, друга коровья, третья собачья. Я эти кожи сделал и сошил лопотину подвёрх шерсью: перёд коровей, зад кобылей, на хвост собачину, и понёс эту лопотину в город, а ноньче таку моду подхватили: ёку лопоть носить. За эту лопотину я кучу денег сграбил.

Суседи стали убивать своего скота и стали готовить лóпоть. Оставили у себя только по одной коровы и по одной лошади. Нашили лопоти, повезли по возу в город, стали торговать, развешали рядами. А народ ходят и спросят:

— Што это у вас?

— Слепы-ле што? Не видите-ле што? Это лопоть.

— А дики-ле што? Хто ёку лопоть продаёт?

После того идут полицейски салдаты.

— Это што у вас?

— А то у нас лопоть.

— А дики-ле што? Хто экой лопотью торгует? Вы што, холеру-ле што разводите? Вас забрать нужно.

Взяли и повели в полицию. Эти мужики от полицейских откупились и дали клятву уехать того же часу. Поехали домой. Стали суседа бранить:

— Ты омманул нам, насказал, што такую лопоть покупают.

— А я вам раньше сказывал, што я говорить умею: я умел одну лопотину продавать, тогда моду подхватили и купили, а вы сразу возами навезли, ну и не стали брать, я раз виноват.

Мужики через это ушли, в роботу нанелись, а сиротина и теперь с ихними жонами живёт.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.